

Проф. А. Жижиленко.

ПРИБЕЖЕНО
2000 г.

Памяти

И. Я. Фройжицкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъяческая, 39.

1913.

Русская наука уголовного права понесла тяжелую утрату... 19 сентября с. г. скоропостижно скончался отъ склероза сердца заслуженный профессор с.-петербургскаго университета по кафедрѣ уголовного права и судопроизводства, сенаторъ Иванъ Яковлевичъ Фойницкій.

Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и талантливыхъ нашихъ юристовъ, оставившій послѣ себя рядъ цѣнныхъ и капитальныхъ трудовъ, создавшихъ ему всеобщую и заслуженную извѣстность, и бывший учителемъ нѣсколькихъ поколѣній русскихъ юристовъ.

Его значеніе въ русской наукѣ уголовного права и его роль въ разработкѣ отдѣльных ея проблеммъ настолько велики, что характеристикѣ И. Я. Фойницкаго, какъ криминалиста, нужно и можно было бы посвятить цѣлое ученое изслѣдованіе, которое указывало бы сущность его основныхъ взглядовъ въ области науки уголовного права и ихъ эволюцію и отмѣтило бы его вліяніе на ея дальнѣйшее развитіе. Въ настоящей своей статьѣ, далекой отъ мысли дать въ ней нѣчто подобное такому изслѣдованію, я коснусь лишь наибо-

лѣе важныхъ работъ покойнаго криминалиста и постараюсь дать лишь самую общую характеристику его ученыхъ трудовъ и тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ въ нихъ приходитъ, не имѣя въ виду давать подробную критическую оцѣнку отдѣльных его положеній.

И. Я. Фойницкій родился 29 августа 1847 г. въ гомельскомъ уѣздѣ могилевской губерніи. По окончаніи курса могилевской гимназіи съ золотою медалью онъ въ 1864 г. поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета. Здѣсь, еще будучи студентомъ, онъ сталъ интересоваться вопросами уголовного права, а появившіеся въ то время Судебные Уставы и весь духъ эпохи великихъ реформъ произвели на него впечатлѣніе, оставшееся у него въ теченіе всей его жизни. Плодомъ его занятій уголовнымъ правомъ на студенческой скамьѣ была работа, написанная на предложенную факультетомъ тему по уголовному процессу «о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда» и удостоенная золотой медалью. Въ 1868 г. И. Я. окончилъ университетскій курсъ и тотчасъ же былъ оставленъ при университетѣ для приготовления къ профессорской дѣятельности, по предложенію проф. А. П. Чебышева-Дмитріева, подъ руководствомъ котораго онъ первоначально занимался и который оказалъ извѣстное вліяніе на первыя работы молодого ученаго. Въ томъ же 1868 г. И. Я. Фойницкій началъ свою педагогическую дѣятельность въ качествѣ преподавателя уголовного права въ аудиторіатскомъ училищѣ, гдѣ

онъ и преподавалъ до 1871 г. Въ то же время И. Я. очень быстро приготовился къ магистерскому экзамену, который успѣшно выдержалъ въ 1870 г., и весьма скоро написалъ свою магистерскую диссертацию «Мошенничество по русскому праву», которую выпустилъ въ свѣтъ и защитилъ въ 1871 г. Это была первая крупная работа молодого ученаго, привлекавшая къ нему сразу вниманіе нашихъ юристовъ. Въ томъ же 1871 г. онъ былъ избранъ, по представленію проф. Н. С. Таганцева, штатнымъ доцентомъ университета и командированъ за границу. Заграничное путешествіе имѣло весьма важное значеніе въ дальнѣйшей научной дѣятельности И. Я. Онъ посѣтилъ Германію, Австрію, Швейцарію, Францію, Италію и Англию, слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ, работалъ въ бібліотекахъ и знакомился съ отправленіемъ правосудія въ этихъ странахъ, а также съ особенностями ихъ карательной системы. Тотъ запасъ теоретическихъ и практическихъ знаній, который онъ приобрѣлъ за время своей командировки, образовалъ солидный базисъ для его дальнѣйшей научной дѣятельности, а знакомство съ западно-европейскимъ законодательствомъ и практическимъ его примѣненіемъ отразилось на всей его ученой дѣятельности: во всѣхъ своихъ работахъ онъ стремился сопоставлять отечественное право съ правомъ иностраннымъ, являясь убѣжденнымъ сторонникомъ сравнительнаго изученія права. Его «Письма изъ-за границы», которыя печатались въ 1872 г. въ Судебномъ Вѣстникѣ, и напечатанная тамъ же статья «Законодательная хроника Англии» осо-

бенно ярко показываютъ, какое впечатлѣніе произвели на русскаго ученаго англійскіе правовые институты; онъ дѣлается глубокимъ поклонникомъ англійскихъ судебныхъ порядковъ и англійскихъ учреждений для борьбы съ преступностью, въ особенности несовершеннолѣтнихъ преступниковъ—«этихъ мирныхъ учреждений свободнаго духа свободной націи», какъ онъ ихъ называетъ. По возвращеніи изъ заграницы во всеоружіи пріобрѣтенныхъ знаній и личныхъ наблюденій И. Я. Фойницкій открываетъ въ 1873 г. въ с.-петербургскомъ университетѣ два курса—общій—уголовнаго права для студентовъ административнаго отдѣленія и спеціальнѣйшій—по тюремовѣдѣнію для всѣхъ студентовъ юридическаго факультета. Съ этого времени онъ до конца своей жизни оставался связаннымъ своей преподавательской дѣятельностью съ с.-петербургскимъ университетомъ сначала въ должности доцента, а по защитѣ въ 1881 г. докторской диссертациіи въ должности экстраординарнаго, а съ 1882 г. ординарнаго профессора, и въ теченіе 40 лѣтъ онъ почти вовсе не прерывалъ въ немъ своей преподавательской дѣятельности. Въ томъ же 1873 г. И. Я. получаетъ приглашеніе читать курсъ уголовного судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія и курсъ энциклопедіи права въ александровскомъ лицей; въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ остается до 1876 г. Впослѣдствіи въ 1898 г. онъ снова приглашается въ александровскій лицей на этотъ разъ для чтенія уголовного судопроизводства, но снова покидаетъ его въ 1900 г. Одновременно съ этимъ начинается и его практическая дѣятельность.

Въ 1873 г. онъ приглашается министерствомъ юстиціи для упорядоченія изданія свода статистическихъ данныхъ по дѣламъ уголовнымъ, въ 1876 г. онъ назначается товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената, и въ 1900 г. сенаторомъ того же департамента, а въ 1911 г.—перваго общаго собранія. Наконецъ, нужно упомянуть, что съ 1904 по 1909 г. И. Я. состоялъ гласнымъ с.-петербургской городской думы, принимая особенно дѣятельное участіе въ юридической городской комиссіи. Таково его краткое *curriculum vitae*.

Приступая къ разсмотрѣнію ученыхъ трудовъ И. Я. Фойницкаго и къ ихъ общей оцѣнкѣ прежде всего приходится отмѣтить, что интересъ его къ наукѣ уголовного права не ограничивался исключительно какой нибудь одной ея областью, какъ это обыкновенно приходится наблюдать относительно ученой дѣятельности нашихъ юристовъ; напротивъ того И. Я. отличался большой разносторонностью. Онъ интересовался самыми разнообразными вопросами изъ обширной области уголовного права и въ разныхъ сферахъ этой науки оставилъ послѣ себя замѣтный слѣдъ. Онъ былъ и процессуалистомъ и знатокомъ матеріальнаго уголовного права, и криминалистомъ - догматикомъ и криминалистомъ-соціологомъ. И во всѣхъ областяхъ науки онъ показывалъ себя, какъ юриста съ глубокой солидной эрудиціей, какъ тонкаго аналитика, какъ ученаго, работающаго для жизни и изъ жизни берущаго матеріалъ для своихъ построеній, какъ теоретика, который въ то же время никогда не забываетъ интересовъ и потребностей практики, какъ про-

грессивно настроеннаго писателя, высоко цѣнящаго личность человѣка и ея права, и какъ гуманнаго человѣка, стремящагося къ обновленію началъ уголовного права въ интересахъ личности преступника. Красной нитью черезъ всѣ его произведенія проходитъ идея уваженія къ личности человѣка. Все то, что вытекаетъ изъ признанія правъ этой личности и что способствуетъ поднятію ея, вызываетъ его постоянную и неизмѣнную симпатію.

Сравнительно меньше всего, повидимому, интересовали покойнаго И. Я. Фойницкаго вопросы, связанные съ тѣмъ отдѣломъ общей части науки уголовного права, который касается общаго ученія о преступленіи. И хотя, конечно, ему приходилось касаться вопросовъ этого рода при анализѣ отдѣльныхъ преступленій и въ „Мошенничествѣ“ и въ „Курсѣ особенной части“, но здѣсь эти вопросы затрагивались имъ мимоходомъ и особаго вниманія онъ не удѣлялъ имъ. Однако нѣкоторыя его конструкціи, выдвинутыя въ „Мошенничествѣ“, представляютъ извѣстный интересъ. Такова напр. его конструкція причинной связи, въ частности ученіе о значеніи способа дѣйствія въ составѣ преступленія, которое во многомъ напоминаетъ нынѣшнюю теорію т. н. адекватнаго причиненія; нужно отмѣтить, что въ этой области замѣтно вліяніе на И. Я. Фойницкаго со стороны проф. Чебышева-Дмитріева. Способу дѣйствія онъ придаетъ значеніе существеннаго момента въ общемъ составѣ преступнаго дѣянія, указывая на то, что „интересы личной свободы, имѣющіе право на такое же уваженіе со стороны

законодателя, какъ интересы общественной пользы, требуютъ включенія способа дѣйствія въ рядъ условій преступности“ („Мошенничество“ ч. 2 стр. 80); по его словамъ, личный интересъ «имѣетъ право потребовать, чтобы составъ преступленія расширялся не на всякій способъ дѣйствія, ограничиваясь такими, которые приводятъ и могутъ приводить къ несомнѣнному убѣжденію въ причинной связи дѣйствія и воли съ послѣдствіемъ» (стр. 82); въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ находитъ, что «личный интересъ настаиваетъ на ограниченіи наказуемости случаями, представляющими дѣйствительную опасность для общечитія» (стр. 83), причемъ критеріемъ опасности онъ признаетъ „преступное направленіе воли и такой характеръ дѣятельности, который при данныхъ условіяхъ общественной жизни является удобнымъ для нарушенія, а потому опаснымъ для прочности правъ, интересующихъ общество» (тамъ же); тѣ же общія соображенія заставляютъ его въ ученіи о причинной связи признавать причиной въ уголовно-юридическомъ смыслѣ не всякую причину въ общежитейскомъ смыслѣ, такъ какъ «въ уголовно-юридической оцѣнкѣ, въ силу ея обязанности ограничивать свою область видимой несомнѣнностью, должно обращать вниманіе лишь на ближайшія причины явленій, лежащія въ человѣческой дѣятельности, и особенно не ставить его отвѣтственнымъ за послѣдствіе дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя являются причиной его черезъ посредство свободнаго слѣдованія имъ другихъ лицъ, которымъ преступное послѣдствіе не было въ

точности указано и только могло быть выведено ими самими, какъ слѣдующее изъ дѣятельности перваго лица» (стр. 218); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что слѣдуетъ выбросить совершенно изъ уголовного права понятіе преступнаго бездѣйствія и, отказавшись отъ разсмотрѣнія положительныхъ и отрицательныхъ актовъ, какъ отдѣльныхъ способовъ дѣйствія одинаково могущихъ будто бы произвести преступное послѣдствіе, потребовать для наказуемости положительное дѣйствіе и допускать бездѣйствіе какъ одну изъ ступеней его“ (стр. 214). Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ намѣчается теорія причинной связи, вызывающая къ себѣ несомнѣнно вниманіе каждаго криминалиста.

Среди вопросовъ, относящихся къ общему ученію о преступленіи, интересъ И. Я. вызывалъ вопросъ о соучастіи, которому онъ посвятилъ особую работу, представляющую огромный теоретическій интересъ—«Уголовно-правовая доктрина о соучастіи» (Юридическій Вѣстникъ 1891 г. № 1). Въ этой своей работѣ, переведенной на нѣмецкій языкъ и напечатанной въ «Zeitschrift» Листа за 1892 г., И. Я. выступаетъ въ роли рѣшительнаго новатора ученія о соучастіи и развиваетъ тѣ мысли, которыя онъ еще задолго до появленія ея высказалъ мимоходомъ въ своей статьѣ «Укрывательство вещей, добытыхъ преступленіемъ» (1873), замѣчая: «каждый отвѣчаетъ за себя, за свою дѣятельность — вотъ основной законъ уголовного правосудія» (Сборникъ «На дсугѣ» т. 1, стр. 461). Здѣсь онъ нападаетъ на современную кон-

струкцію соучастія, страдающую, по его словамъ, схоластичностью построения, полную презумпцій, стоящихъ въ противорѣчїи съ началами современнаго уголовного права, и въ то же время не обнимающихъ всѣхъ случаевъ совмѣстной дѣятельности многихъ лицъ (стр. 8). Исходя изъ своей основной мысли, которую онъ проводилъ во всѣхъ своихъ произведенїяхъ,—о томъ, что предметъ государственной карательной дѣятельности есть не дѣяніе, а дѣятель (стр. 17), и что психическое состояніе преступности выражается во внѣ въ преступномъ дѣяніи,—онъ находитъ, что преступленіе даже мысленно не можетъ быть отдѣлено отъ личнаго психическаго состоянія и что «въ одно дѣяніе не могутъ вложиться нѣсколько личныхъ состояній, и каждое дѣяніе есть проявленіе личнаго состоянія одного лица» (стр. 18); по его ученію, и каждый отвѣчаетъ и можетъ отвѣчать только за свою вину и какъ ни тѣсна иногда, повидимому, связь виновнаго съ другими лицами, при ближайшемъ разсмотрѣніи вина каждаго оказывается совершенно своеобразною и особенною» (стр. 20), и эта вина каждаго «самостоятельна и отдѣльна какъ при единой, такъ и при совмѣстной дѣятельности» (стр. 21). Въ связи съ этимъ онъ говоритъ о томъ, что пора разсматривать подстрекательство, какъ форму самостоятельной виновности, прибѣгающей къ посредству третьихъ вмѣняемыхъ лицъ (стр. 23), и указываетъ на то, что и въ отношеніи пособничества всего правильнѣе примѣнить формулу виновничества (стр. 24), относя пособниковъ, не отвѣчающихъ понятію

виновниковъ, къ другимъ группамъ и образуя изъ ихъ дѣятельности самостоятельный деликтъ (дѣятельность пособниковъ, не участвующихъ въ самомъ выполненіи преступнаго результата ни непосредственно, ни посредствомъ, и дѣятельность пособниковъ, выполняемая или долженствовавшая быть выполненной послѣ преступленія, но обѣщанная до учиненія его). Эта новая доктрина о соучастіи, какъ извѣстно, не встрѣтила особеннаго сочувствія въ современной уголовно-правовой литературѣ, но мнѣ кажется, что она во многомъ стоитъ на правильномъ пути въ разрѣшеніи сложнаго и запутаннаго вопроса о соучастіи.

Но если вопросы общаго ученія о преступленіи и не привлекали къ себѣ, повидимому, особеннаго вниманія И. Я., то нельзя того же сказать относительно вопросовъ, касающихся ученія о преступленіяхъ въ отдѣльности, вопросовъ т. н. особенной части уголовного права. Этими вопросами И. Я. очень интересовался и въ этой области онъ сдѣлалъ весьма много.

Кромѣ указанной выше магистерской его диссертациі «Мошенничество по русскому праву» и капитальнаго труда «Курсъ уголовного права», вопросамъ особенной части посвящены и другія работы И. Я.—о «преступномъ присвоеніи чужого ввѣреннаго имущества» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1879 г. № 2) и «объ обманѣ въ договорахъ» (тамъ же, 1880 г. № 3). И эти работы обнаруживаютъ въ И. Я. глубокаго знатока русскаго и иностраннаго права, прекраснаго комментатора положительнаго законодательства и тонкаго юриста.

«Мошенничество по русскому праву» было первой монографіей на русскомъ языкѣ, посвященной анализу имущественныхъ преступленій, и книга эта, несмотря на то, что ее отдѣляетъ отъ насъ болѣе 40 лѣтъ, не потеряла еще и теперь всего своего научнаго значенія. Здѣсь авторомъ дается прекрасный историческій анализъ мошенничества по русскому праву, написанный на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ источниками нашего права и представляющей до сихъ поръ цѣнность въ виду слабой разработки въ нашей литературѣ того отдѣла исторіи русскаго права, который посвященъ уголовному праву. Здѣсь же дается подробное изложеніе исторіи германскаго и французскаго права, германскихъ теорій мошенничества, а также современнаго права Германіи, Франціи и Англии, и такимъ образомъ удѣляется большое вниманіе иностранному законодательству, его до сихъ поръ не наблюдалось въ нашей литературѣ, ограничивавшейся обыкновенно изслѣдованіемъ лишь русскаго права. Наконецъ здѣсь же авторъ даетъ анализъ нашей молодой сенатской практики по вопросу о мошенничествѣ и предлагаетъ свою конструкцію обмана, какъ завѣдомаго съ намѣреніемъ обморочить другого искаженія истины (стр. 88). Книга И. Я. Фойницкаго о мошенничествѣ несомнѣнно сыграла свою роль въ направленіи нашей практики къ уясненію дѣйствительной сущности мошенничества и къ установленію надлежащаго представленія объ особенностяхъ нашего права по данному вопросу.

Всѣ тѣ достоинства книги «Мошенничество»,

которыя придаютъ ей большую цѣнность, характеризуютъ и «Курсъ уголовного права. Часть особенная», появившійся въ 1890 г. и выдержавшій 8 изданій (послѣднее 1912 г.). Эта книга—собственно первый въ Россіи настоящій «Курсъ» особенной части уголовного права, первое систематическое изложеніе началъ уголовного права по вопросамъ особенной части. Существовавшія ранѣе работы въ томъ же родѣ Неклюдова, Лохвицкаго и Будзинскаго представляются или практическимъ комментариемъ къ русскому дѣйствующему праву (Неклюдовъ), или самымъ бѣглымъ изложеніемъ постановленій русскаго права безъ всякой строго-научной его обработки (Лохвицкій), или же лишь попыткой къ систематическому изложенію (Будзинскій). И. Я. Фойницкій первый создаетъ у насъ строго научную разработку системы особенной части уголовного права. И здѣсь на лицо всѣ особенности его обычныхъ приѣмовъ изслѣдованія и разработки отдѣльныхъ правовыхъ вопросовъ. Въ «Курсѣ» онъ даетъ подробный и всесторонній анализъ составовъ отдѣльныхъ преступленій, обнаруживая свое прекрасное знакомство съ литературой вопроса, съ существующими правовыми положеніями и съ судебной практикой. Рассматривая отдѣльныя преступленія, онъ не ограничивается простымъ комментированіемъ русскаго уголовного законодательства. Онъ постоянно стремится установить извѣстныя общія теоретическія начала, касающіяся сущности изслѣдуемыхъ преступленій, и выяснить на основаніи сравнительнаго изученія отдѣльныхъ законодательствъ существующіе въ нихъ раз-

нообразные типы конструкцій составовъ преступленій, показывая читателю, что одно и то же преступленіе получаетъ неодинаковое выраженіе въ отдѣльныхъ законодательствахъ и указывая достоинства и недостатки этихъ конструкцій. Далѣе онъ анализируетъ ближе постановленія нашего права, изображая, какъ исторически измѣнялось трактованіе того или иного преступленія въ законѣ и какъ образовались постановленія дѣйствующаго законодательства. Попутно онъ останавливается постоянно на тѣхъ рѣшеніяхъ нашего сената, которыя имѣютъ отношеніе къ разсматриваемымъ преступленіямъ.

Въ виду всѣхъ этихъ особенностей «Курсъ» представляетъ одинаковый интересъ и для теоретика и для практика, давно уже сдѣлавшись настольной книгой каждаго нашего образованнаго юриста. Остается лишь пожалѣть, что онъ затрагиваетъ сравнительно незначительную часть преступленій, трактуя лишь о преступленіяхъ противъ личности и противъ имущества и не касаясь ни государственныхъ, ни общественныхъ преступленій. Конечно, далеко не со всѣми построеніями и толкованіями автора можно согласиться, встрѣчаются у него и серьезные промахи, но все это не подрываетъ общаго выдающагося значенія этой книги.

Одному изъ вопросовъ особенной части уголовного права намѣревался посвятить И. Я. Фойницкій и свою докторскую диссертацию, — именно вопросу о преступленіяхъ печати, но, по неизвѣстной для меня причинѣ, онъ это свое первоначальное намѣреніе оставилъ, выбравъ для диссертациі другую тему; однако,

тѣ отрывки изъ предполагавшейся диссертации, которая появились въ печати въ видѣ отдѣльныхъ статей, свидѣлствуютъ о широко задуманномъ планѣ работы, обнаруживаютъ обычную эрудицію автора и до сихъ поръ представляютъ интересъ какъ съ точки зрѣнія уголовного, такъ и административнаго права.

Я имѣю въ виду здѣсь двѣ его работы «Общегерманское законодательство о печати» 1874 г. и «Моменты исторіи законодательства печати» 1875 г. Въ первой изъ этихъ работъ интересны взгляды И. Я. на желательную систему уголовной отвѣтственности по преступленіямъ печати. Онъ здѣсь высказывается, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, въ пользу англо-американскихъ порядковъ, отдавая рѣшительное предпочтеніе т. наз. юридической системѣ отвѣтственности, такъ какъ находитъ только въ ней достаточныя гарантіи личности. Достоинство этой системы онъ усматриваетъ въ томъ, что «примѣняя къ дѣламъ печати общія начала уголовного права, она подвергаетъ отвѣтственности за содержаніе произведеній печати всѣхъ лицъ, которыя, согласно этимъ началамъ, виновны въ совершеніи или въ участіи въ совершеніи даннаго преступленія путемъ печати, но этими лицами и ограничивается отвѣтственность, такъ что кругъ ея не подлежитъ никакимъ искусственнымъ расширеніямъ» (На досугѣ т. II, стр. 83). Любопытно при этомъ отмѣтить, какъ устанавливаетъ онъ здѣсь границу между юридически - отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ въ области преступленій печати. Исходя изъ значенія противоположенія общаго и конкретнаго, онъ находитъ, что

342. Кав. ун. ш.

«до тѣхъ поръ, пока слово остается въ области общаго, пока оно не касается опредѣленно-конкретнаго отношенія, оно чуждо юридической сферы и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Никогда не слѣдуетъ забывать, прибавляетъ онъ, что общее существуетъ только въ умѣ человѣческомъ, что оно не имѣетъ внѣшняго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшними дѣйствіями. Только переходя сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно опредѣленныхъ отношеній, мысль становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ, и если эти отношенія получили значеніе правъ, она можетъ стать юридически-отвѣтственной» (стр. 106). Во второй своей статьѣ онъ подробно разсматриваетъ картину постепеннаго развитія законодательства о печати, различая здѣсь слѣдующіе моменты въ исторіи отношеній государственной власти къ человѣческой мысли: періоды теократической, владѣльческой или вотчинной, попечительной, полицейской и правовой, причемъ сущность правового положенія печати онъ видитъ не въ томъ, что она исключительно подчиняется судебному режиму, а въ томъ, что при наличности его только слово, направляющееся противъ конкретно-опредѣленнаго отношенія, признается наказуемымъ.

Къ работамъ И. Я. Фойницкаго, посвященнымъ особенной части, принадлежитъ, наконецъ, и т. VII объяснительной записки къ проекту уголовного уложенія, посвященный имущественнымъ преступленіямъ. Съ образованіемъ въ 1881 г. редакціонной комиссіи по составленію проекта новаго уголовного уло-

женія П. Я. былъ приглашенъ къ участию въ ея трудахъ. На его долю была возложена работа отдѣла о преступленіяхъ противъ имущества, что онъ съ честью и выполнилъ. Конечно, во многомъ тѣ построенія, которыя мы находимъ въ этой объяснительной запискѣ, являются повтореніемъ того, что онъ высказываетъ въ своемъ «Курсѣ особенной части».

Если въ области разработки вопросовъ, относящихся къ особенной части уголовного права И. Я. Фойницкій пользовался заслуженной извѣстностью одного изъ лучшихъ нашихъ криминалистовъ-догматиковъ и тѣмъ составилъ себѣ крупное имя, то несомнѣнно, еще болѣе важными представляются заслуги И. Я., какъ криминалиста-соціолога въ области изслѣдованія вопросовъ, связанныхъ съ ученіемъ о наказаніи. Онъ одинъ изъ первыхъ положилъ начало созданія въ Россіи изученія преступности, какъ явленія соціальной жизни, будучи однимъ изъ основателей соціологическаго направленія въ уголовномъ правѣ. И любопытно отмѣтить, что труды П. Я. въ этой области появились задолго до образованія уголовно-соціологическаго направленія, какъ законченнаго ученія; появленіе ихъ совпало вмѣстѣ съ тѣмъ съ появленіемъ первыхъ трудовъ Ломброзо, но П. Я. не поддался увлеченію направленіемъ этого ученаго и сохранилъ свою самостоятельную позицію въ наукѣ.

Толчекъ къ изученію преступленія, какъ явленія соціальной жизни, былъ данъ несомнѣнно П. Я. Фойницкому только что появившейся въ ту пору работой Неклюдова «Уголовно-статистическіе этюды», но въ данной области

И. Я. сейчас же занялъ самостоятельное мѣсто, выступивъ съ своей своеобразной теоріей наказанія, какъ средства борьбы съ особымъ личнымъ состояніемъ преступности.

Уже въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ работъ «Проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія» (Судебный Вѣстникъ 1872 г.) онъ въ общихъ чертахъ намѣчаетъ рядъ тѣхъ положеній, которыя были имъ впоследствии окончательно сформулированы въ видѣ цѣлой теоріи. Въ этой статьѣ онъ говоритъ, что, при всемъ разнообразіи причинъ преступности, онѣ могутъ быть сведены къ тремъ группамъ, распадаясь на физическія, общественныя и индивидуальныя, и указываетъ на то, что тюрьма не имѣетъ возможности устранить общественныя причины преступности, и можетъ задаваться лишь мыслью создать въ каждомъ арестантѣ рядъ условій для борьбы съ наличными причинами преступления (На досугѣ т. I, стр. 241). Здѣсь уже намѣчается его теорія о трехъ группахъ факторовъ преступности и о задачѣ карательной дѣятельности государства. Еще болѣе ясно проводится то же въ другой его работѣ, посвященной ближайшему анализу факторовъ преступности, въ статьѣ «Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій» (Суд. Журн. 1873 г. №, 1, 2, 3), названной авторомъ «опытомъ соціального діагноза преступленія». Эта работа имѣетъ огромный научный интересъ, какъ одна изъ первыхъ работъ, устанавливающихъ и подтверждающихъ существованіе опредѣленныхъ факторовъ преступности. Въ ней, на основаніи самаго внимательнаго изученія данныхъ уго-

ловной статистики Франціи, Англіи и Валліса, И. Я. Фойницкій приходитъ къ заключенію о существованіи зависимости между временами года и преступностью. Онъ разсматриваетъ здѣсь сначала преступность вообще, затѣмъ отдѣльно преступленія личныя и имущественныя, наконецъ, послѣднія еще по отдѣльнымъ видамъ, и приходитъ къ тому выводу, что посягательства противъ личности отмѣчены рѣзкимъ максимумомъ въ жаркіе мѣсяцы, между тѣмъ какъ холодные даютъ рѣшительное предпочтеніе для посягательствъ противъ имущества, причемъ онъ подчеркиваетъ, что вліяніе временъ года на личныя преступленія сильнѣе, чѣмъ на имущественныя. Установивъ такимъ образомъ наличность факторовъ физическихъ, онъ въ то же время указываетъ на то, что рядъ колебаній, которыя замѣчаются въ полученныхъ имъ данныхъ, объясняется тѣмъ, что въ этихъ случаяхъ сказывается дѣйствіе факторовъ социальныхъ, а также и индивидуальныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ здѣсь же указываетъ, что наказаніе, какъ мѣра индивидуальная, можетъ служить только противовѣсомъ для индивидуальныхъ условій, для борьбы же съ условіями физическими и социальными нужны другія мѣры.

Всѣ свои основныя взгляды на предметъ уголовного права, какъ свое *profession de foi*, И. Я. изложилъ въ вступительной лекціи къ университетскому курсу «Уголовное право, его предметъ, его задачи» (1873), и до конца своихъ дней онъ остался вѣренъ своему *credo* высказанному 40 лѣтъ тому назадъ. Въ этой лекціи онъ говорилъ, что «къ числу взглядовъ,

тормозящихъ развитие уголовного права, какъ науки, относится взглядъ, по которому предметъ уголовного права считается преступленіе, какъ отдѣльное явленіе, а не вся личность преступника, его преступность, т. е. состояніе лица, вызывающее нарушеніе юридическихъ отношеній, охраняемыхъ карой, и подтверждаемое совершеніемъ въ мірѣ юридическаго порядка разнообразныхъ измѣненій, составляющихъ выраженіе его» (На досугѣ т. I, стр. 412); преступленіе же, по его словамъ, рходитъ въ науку уголовного права лишь потому, что оно составляетъ выраженіе преступности. Въ соответствии съ этимъ онъ указываетъ, что задача науки уголовного права состоитъ въ изученіи преступности «въ ея выраженіяхъ, условіяхъ и послѣдствіяхъ». Такимъ образомъ уже въ этихъ первыхъ статьяхъ молодого ученаго вполне ясно намѣчается сущность тѣхъ положеній, которыя являются основными началами развившагося впоследствии социологическаго направленія въ уголовномъ правѣ.

Въ то же время И. Я. Фойницкій начинаетъ особенно сильно увлекаться разработкой разныхъ вопросовъ, относящихся къ наказанію, и пишетъ рядъ работъ, посвященныхъ критическому анализу существующихъ средствъ карательнаго воздѣйствія. Всѣ эти его работы указываютъ на устарѣлость господствующихъ въ настоящее время карательныхъ средствъ и настаиваютъ на рѣшительномъ ихъ обновленіи. Такъ, много весьма интересныхъ мыслей по поводу значенія тюрьмы, какъ наказанія, онъ высказываетъ въ своей работѣ «Проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразова-

нія въ Россіи гр. В. А. Соллогуба» (Суд. Вѣстникъ 1872 г.), подвергая этотъ проектъ критикѣ съ точки зрѣнія общаго требованія о томъ, чтобы въ основу тюремнаго исправленія были положены социальныя условія жизни послѣ освобожденія. Интересно при этомъ отмѣтить слѣдующія слова П. Я., не потерявшія и теперь своего значенія: «Если вы хотите ограничиться однѣми тюремными стѣнами; если вы закрываете глаза на другія, внѣ тюрьмы дѣйствующія, мѣры, — то тюрьма, устроенная на самыхъ правильныхъ теоретическихъ началахъ, окажется не въ силахъ поддержать борьбу съ преступленіемъ; она будетъ лишь игрушечной забавой для законодателя, доходнымъ мѣстомъ для бюрократовъ, мѣстомъ отдыха и запаса силъ для закоренѣлыхъ преступниковъ». «Тюремный вопросъ, прибавляетъ онъ, въ его изолированномъ видѣ не имѣетъ никакого смысла. Этотъ смыслъ и жизненное содержаніе даетъ ему лишь внесеніе его въ систему другихъ общественныхъ мѣръ, направленныхъ противъ условій преступности. Слова «тюремная реформа» должны быть написаны мелкими буквами внизу знамени, на которомъ крупнымъ шрифтомъ отмѣченъ принципъ общественнаго благосостоянія путемъ образованности и свободы» (На досугѣ, т. I, стр. 260). Тюремному вопросу онъ посвящаетъ и другую свою работу «Тюремная реформа и тюремновѣдѣніе», гдѣ рисуетъ дѣятельность Говарда въ дѣлѣ тюремной реформы и разбираетъ три фазы въ исторіи тюремъ: устрашительный, филантропическій и политическій періоды. Наконецъ, въ своей

статьѣ «Патронатъ въ Россіи и за границей» (Вѣстникъ Европы 1878 г.) онъ горячо радуется за организацію патроната въ отношеніи лицъ, освобождаемыхъ изъ тюремъ, находѣ его настоятельно необходимымъ для того, чтобы «ослабить неизбежно вредное вліяніе тюремныхъ стѣнъ и обратить на пользу общественную дорого-стоющія усилія тюремнаго содержанія» (стр. 643).

Въ своей работѣ «Русская карательная система» И. Я. Фойницкій подвергаетъ общей оцѣнкѣ всю нашу карательную систему и указываетъ на ея существенные дефекты, высказывая при этомъ рядъ положеній, которыя и до сихъ поръ, даже и послѣ изданія уголовнаго уложенія 1903 г., являются для насъ *primus desiderium*. Въ особенности онъ нападаетъ на тѣ карательныя мѣры, которыя, по его словамъ, обязаны своимъ происхожденіемъ господству тѣлесныхъ наказаній и несомнѣстимы съ началами новаго направленія. Особенно рѣзко онъ критикуетъ въ этомъ отношеніи институтъ лишенія правъ, какъ мѣру пожизненную, безусловно обязательную для суда и абсолютную въ своемъ исполненіи, и считаетъ реформу нашего законодательства въ этой области дѣломъ первостепенной важности. Другимъ существеннымъ недостаткомъ нашей карательной системы онъ признаетъ малое развитіе начала индивидуализаціи и отсутствіе въ ней сознанія о воспитательномъ характерѣ тюремной дѣятельности. Констатированіе крупныхъ недостатковъ нашего права по вопросу о правопораженіяхъ заставило И. Я. особо выдвинуть вопросъ о рациональной

постановкѣ института правоограниченій въ рефератѣ, представленномъ для перваго съѣзда русскихъ юристовъ, предполагавшагося въ 1875 г., и озаглавленномъ «Необходимость реформы постановленій русскаго уголовного законодательства по вопросу о лишеніи правъ». Между прочимъ онъ высказывается здѣсь противъ пожизненности лишенія правъ, указывая на противорѣчіе этого института современному соціальному строю, на его антинаціональность на русской почвѣ и на его вымирание на Западѣ. Раздѣляя затѣмъ всѣ права, принадлежащія человѣку, на три группы: 1) такіа, которыя образуютъ юридическое понятіе личности, 2) политическія полномочія личности, и 3) полномочія, пользование которыми связано непосредственно съ интересами другихъ лицъ, онъ находитъ, что права первой категоріи не должны быть вовсе отнимаемы, лишеніе же правъ остальныхъ двухъ группъ возможно лишь изъ-за соображеній безопасности, но и при этомъ осужденному должно быть запрещено только практическое осуществленіе этихъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ И. Я. высказывается въ этомъ рефератѣ въ пользу необходимости введенія у насъ института реабилитаціи.

Вниманіе И. Я. въ области изученія отдѣльныхъ казаній останавливается въ дальнѣйшихъ его работахъ на оцѣнкѣ ссылки, какъ наказанія. Онъ посвящаетъ этой карательной мѣрѣ рядъ статей: «Къ вопросу о ссылкѣ въ Сибирь», «Управленіе ссылки», «Ссылка или тюрьма?» и наконецъ свою докторскую диссертацию «Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи» (1881).

Во всѣхъ этихъ работахъ проводится ясно одна общая мысль о непригодности ссылки служить въ качествѣ карательной мѣры; въ статьяхъ, посвященныхъ разсмотрѣнію русской ссылки, онъ показываетъ наглядно то разстройство, къ которому пришло это наказаніе у насъ, и говоритъ, что наша сибирская ссылка не уничтожаетъ зла, а разсѣиваетъ его на огромное пространство и съ неизбежной необходимостью вызываетъ дальнѣйшее его развитіе (На досугѣ т. II, стр. 447). Съ другой стороны то, что онъ обнаруживаетъ въ исторіи западной ссылки и въ ея современномъ положеніи, вполне подтверждаетъ его общій выводъ о томъ, что ссылка въ настоящее время находится въ періодъ постепеннаго вымиранія. Общая оцѣнка ссылки у него сводится къ слѣдующему заключенію: «Изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какую она представляется въ отвлеченномъ понятіи, ссылка превращается при соприкосновеніи съ дѣйствительностью въ мѣру негодную, какъ кара, безнравственную какъ способъ колонизаціи, противорѣчащую задачамъ исправленія и существу сугубной дѣятельности, не дающую обѣщанной безопасности метрополіи съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи и въ высшей степени дорого стоящую» (Ссылка на Западъ, стр. 336). Отсюда и его рѣшеніе спора между ссылкой и тюрьмой въ пользу послѣдней. Но онъ требуетъ коренной реформы тюрьмы и рациональнаго ея устройства, причемъ на первый планъ выставляетъ гуманное отношеніе къ заключеннымъ. «Не въ тюремныхъ рѣшеткахъ дѣло, говоритъ

онъ, не въ тюремныхъ стѣнахъ сила, ни даже въ возвышенныхъ окладахъ тюремныхъ начальниковъ и въ знаніи ими иностранныхъ сочиненій о тюрьмахъ. Разрѣшеніе тюремной проблемы лежитъ въ обстоятельствахъ, гораздо болѣе близкихъ къ намъ, находящихся у насъ подъ рукой: будемъ людьми и будемъ любить людей; будемъ помнить, что безцѣльное или, какъ его принято называть, самоцѣльное зло наказанія, ничего кромѣ зла обществу доставить не можетъ...» (Ссылка или тюрьма? Юридическій Вѣстн. 1881 г., № 6, стр. 698).

Всѣ эти взгляды, высказанные И. Я. Фойницкимъ въ разныхъ отдѣльныхъ работахъ, посвященныхъ вопросамъ, связаннымъ съ ученіемъ о наказаніи, получаютъ окончательное выраженіе въ появившейся въ 1889 г. и ставшей весьма скоро библиографической рѣдкостью книгѣ «Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ». Эта книга—выдающееся произведеніе И. Я. Подобной ей не было во время ея появленія не только въ нашей, но и въ иностранной литературѣ. Въ ней дается авторомъ систематическое изложеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ области ученія о наказаніи. По богатству затронутого въ ней матеріала, по глубинѣ произведеннаго въ ней анализа отдѣльныхъ вопросовъ, по общимъ гуманнымъ выводамъ автора эта книга—одно изъ виднѣйшихъ произведеній въ русской юридической литературѣ. Своей книгой И. Я. между прочимъ имѣлъ въ виду показать, что вопросы, связанные съ наказаніемъ, представляютъ настолько самостоятель-

ное цѣлое по сравненію съ другими вопросами уголовного права, что они могутъ быть отдѣльно и изучаемы. Самая книга представляетъ собой курсъ тѣхъ лекцій по ученію о наказаніи, который И. Я. читалъ въ спб. университетѣ вплоть до 1904 г. Въ «Ученіи о наказаніи» И. Я. Фойницкій развиваетъ свою основную мысль о тройкомъ дѣленіи факторовъ преступности (космическіе, общественные и индивидуальныя), причемъ окончательно устанавливаетъ, что личныя условія преступленій, разсматриваемыя въ ихъ совокупности, образуютъ извѣстное состояніе личности, которое онъ называетъ состояніемъ преступности и которое онъ признаетъ предметомъ наказанія (стр. 42); вмѣстѣ съ тѣмъ въ соответствіи съ разнообразіемъ личныхъ факторовъ преступности онъ впервые указываетъ здѣсь на необходимость классификаціи преступниковъ, усваивая классификацію, приближающуюся въ общемъ къ предложенной Листомъ. Всѣхъ преступниковъ онъ дѣлитъ на три категоріи: 1) лица, дѣятельность которыхъ объясняется всецѣло внѣшними влияніями—это лица порочной организаціи (стр. 47); 2) преступники случайные—тѣ, которые обладаютъ нормальными общежительными мотивами, впадая въ преступленіе подъ влияніемъ преходящихъ внѣшнихъ побужденій и 3) преступники привычки или профессиональныя—лица, отличающіяся склонностью превратить преступную дѣятельность въ профессію, сдѣлавъ изъ нея источникъ существованія; среди этой категоріи,—говоритъ онъ,—предлагается даже различать между ними исправимыхъ отъ неисправимыхъ, «однако, замѣчаетъ онъ, суще-

ствование безусловно неисправимыхъ преступниковъ привычки еще не доказано» (стр. 47). То гуманное отношеніе къ преступникамъ и то уваженіе къ личности человѣка даже и въ преступникѣ, которое является отличительной чертой произведеній И. Я., заставляетъ его въ «Ученіи о наказаніи» отнестись безусловно отрицательно ко многимъ наказаніямъ и прежде всего къ смертной казни, ярымъ противникомъ которой онъ является. Напротивъ, онъ всецѣло на сторонѣ тюремнаго заключенія, которое ему «представляется наказаніемъ, наиболѣе гуманнымъ и соотвѣтствующимъ современному культурному строю, основное требованіе котораго достиженіе общественной пользы путемъ доставленія пользы личности и заботы о ней» (стр. 320). Тюрьмѣ посвящаетъ онъ все свое вниманіе, особенно защищая прогрессивную систему заключенія, и его трактатъ по тюремовѣдѣнію, по полнотѣ затронутыхъ вопросовъ и по тщательности произведеннаго анализа ихъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе блестящихъ изслѣдованій въ нашей литературѣ. Нужно при этомъ отмѣтить, что впоследствии И. Я., по видимому, уже усумнился въ безусловномъ значеніи тюрьмы, какъ наказанія,—по крайней мѣрѣ, этотъ выводъ можно сдѣлать изъ слѣдующихъ словъ его, которыя мы читаемъ въ его предисловіи къ сборнику его статей «На досугѣ» т. II: «ссылка отжила свой вѣкъ, тюрьма его отживаетъ, но затѣмъ остаются земледѣльческія фермы и ремесленные пріюты, въ примѣненіи сущности которыхъ къ взрослымъ преступникамъ заключается высокая и благодарная задача будущаго».

Послѣ появленія въ свѣтъ «Ученія о наказаніи» новыхъ крупныхъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію наказанія, мы у И. Я. не находимъ, но вопросы, связанные съ этой областью уголовного права, постоянно его интересовали, и время отъ времени онъ посвящалъ имъ свои труды. Такъ, онъ написалъ въ 1890 г. работу, представленную въ видѣ доклада на бернскій съѣздъ междунаrodnаго союза криминалистовъ, (*Mitteilungen der J. K. V. II, 45*) по вопросу о законодательствѣ для малолѣтнихъ, гдѣ онъ предлагаетъ упразднить вопросъ о разумнѣи при установленіи отвѣтственности и замѣнить его вопросомъ, нуждается ли несовершеннолѣтній въ общественной оцѣкѣ; наконецъ, въ 1893 г. были имъ напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» двѣ весьма интересныя работы по вопросу о факторахъ преступности, именно «Факторы преступности и Женщина-преступница». Въ первой изъ этихъ работъ авторъ даетъ детальный анализъ значенія отдельныхъ факторовъ преступности, развивая тѣ положенія, которыя были имъ выставлены въ статьѣ «Вліяніе времени года», и обращая особенное вниманіе на значеніе «факторовъ психическихъ, обуславливающихъ индивидуальное самоопредѣленіе личности» (стр. 80), причемъ здѣсь онъ указываетъ на то, что «явленія окружающія, какъ космическаго, такъ и общественнаго характера, могутъ оказывать какое бы то ни было вліяніе на человѣческія дѣйствія не иначе, какъ подвергшись соотвѣтственнымъ психическимъ процессамъ и претворившись въ потребности» (стр. 86); во второй же статьѣ онъ подвергаетъ анализу

вопросъ о полѣ, какъ о факторѣ преступности, причемъ указываетъ, что «ближайшее объясненіе различія въ относительной преступности мужчинъ и женщинъ лежитъ въ различіи физическихъ и психическихъ силъ каждаго пола, которыми объясняются также и формы предпочитаемой каждымъ изъ нихъ дѣятельности» (стр. 136).

Последняя область, въ которой И. Я. Фойницкій показалъ себя авторитетнымъ ученымъ и навсегда обезсмертилъ свое имя, это—область уголовного процесса, науку котораго онъ собственно создалъ въ Россіи. Вышедшій въ 1884 г. первый томъ его «Курса уголовного судопроизводства» создалъ, можно сказать, эпоху въ изученіи русскаго процесса. До появленія этой книги въ нашей литературѣ настоящаго курса уголовного процесса не было, такъ какъ первый послѣ судебной реформы курсъ проф. Чебышева-Дмитріева, вышедшій въ 1869 г., заключалъ въ себѣ, собственно говоря, только пересказъ постановленій судебныхъ уставовъ. И. Я. Фойницкій пишетъ свой курсъ во всеоружіи знакомства съ обширнѣйшей западно-европейской литературой по самымъ разнообразнымъ вопросамъ процессуальнаго права и съ положительнымъ законодательствомъ важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ. По тщательному анализу процессуально-правовыхъ положеній, по обилію использованнаго при этомъ матеріала, по ясности и стройности изложенія, по цѣнности выводовъ автора этотъ «Курсъ» имѣетъ мало соперниковъ и среди западно-европейскихъ сочиненій подобнаго рода. Въ русской же литературѣ это—

единственное полное и подробное систематическое изложение началъ уголовно-процессуальнаго права. Въ этой книгѣ И. Я. Фойницкій даетъ полную картину уголовного процесса: I томъ «Курса», выдержавшій 4 изданія (послѣднее 1912 г.) онъ посвящаетъ судоустройству, а II томъ, вышедшій черезъ 13 лѣтъ послѣ появленія I т. въ 1897 г. и выдержавшій 3 изданія (послѣднее 1910 г.)—судопроизводству. Читатель по этому труду получаетъ полное представленіе не только о русскомъ процессѣ, но и процессѣ иностранныхъ государствъ; въ особенности много вниманія удѣляетъ И. Я. англійскому процессу, который пользовался его большими симпатіями. При этомъ, какъ и въ «Курсѣ уголовного права», И. Я. Фойницкій не ограничивается изложеніемъ дѣйствующаго права, но даетъ историческій очеркъ развитія разсматриваемыхъ институтовъ, а также дѣлаетъ постоянныя ссылки на сенатскую практику. Въ своемъ «Курсѣ» И. Я. Фойницкій весьма рельефно отбѣняетъ природу и назначеніе каждого процессуальнаго института и показываетъ его взаимоотношеніе съ другими институтами. Онъ является при этомъ горячимъ поклонникомъ Судебныхъ Уставовъ, воплощенію положеній которыхъ въ жизнь онъ не мало способствовалъ своей многолѣтней дѣятельностью. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является вѣрнымъ защитникомъ института присяжныхъ засѣдателей, и тѣ страницы его книги, которыя посвящены этому институту, представляются безъ сомнѣнія лучшими страницами въ его произведеніяхъ. Понятно, что благодаря всемъ выдающимся своимъ достоинствамъ

«Курсъ уголовного судопроизводства» сдѣлался книгой, безъ которой не можетъ въ настоящее время обойтись ни криминалистъ—теоретикъ, ни криминалистъ—практикъ.

Но труды И. Я. Фойницкаго въ области уголовного процесса не ограничиваются однимъ только «Курсомъ». Его перу принадлежитъ еще рядъ отдѣльныхъ работъ, помѣщенныхъ въ разное время въ юридическихъ журналахъ; многія изъ этихъ работъ заслуживаютъ особаго упоминанія. Такъ въ статьѣ «Судебно-уголовные кодексы Германіи» дается изложеніе содержанія новыхъ германскихъ кодексовъ, причемъ, высоко цѣня Судебные Уставы, И. Я. находитъ, что изъ сравненія съ ними дѣйствующее русское законодательство, появившееся 20 ноября, не только не умалается, а еще больше поднимается въ своемъ значеніи (На досугѣ т. II, стр. 309). Въ другой статьѣ «Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію» И. Я. Фойницкій выступаетъ на защиту института присяжныхъ засѣдателей, противъ тѣхъ возраженій, которыя противъ него въ то время дѣлались; здѣсь онъ подробно останавливается на разныхъ соображеніяхъ, объясняющихъ причину частыхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, между прочимъ отмѣчая въ числѣ прочихъ причинъ и недостатки нашего матеріальнаго права; свою статью онъ заканчиваетъ весьма характерными словами, ясно рисующими основную точку зрѣнія автора ея: «дайте намъ побольше законности въ жизни, побольше правды въ законѣ—и вы не будете имѣть повода жаловаться на слабость суда присяжныхъ засѣдателей» (На досугѣ т. II, стр. 392).

Институту присяжныхъ засѣдателей, которымъ И. Я. постоянно интересовался, онъ посвятилъ еще одну работу «Правосознаніе русскаго суда присяжныхъ» (Журн. М. Ю. 1896 г.). Далѣе въ статьѣ «Предварительное слѣдствіе и его реформа» (Журн. Гражд. и Уг. Права 1882 г.) онъ указываетъ на существенные недостатки этого института въ его современной постановкѣ и находитъ необходимымъ исправленіе ихъ въ смыслѣ предоставленія обвиняемому процессуальныхъ правъ и расширенія состязательнаго порядка на предварительномъ слѣдствіи. Кромѣ этихъ работъ И. Я. посвятилъ процессуальнымъ вопросамъ слѣдующіе свои доклады въ Спб. Юрид. Общ.—«о судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому праву», «о недостаткахъ предварительнаго слѣдствія и о способахъ улучшенія его», «о вѣдомствѣ присяжныхъ засѣдателей въ отношеніи территоріальномъ», «объ апелляціонномъ судѣ». Особеннаго вниманія среди прочихъ его работъ, относящихся къ области уголовного процесса, заслуживаютъ слѣдующія двѣ работы: «О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ» (1884 г.) и «Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное» (1885 г.). Въ первой работѣ онъ горячо отстаиваетъ идею оказанія государствомъ помощи невинно привлеченнымъ къ суду уголовному, основывая соответствующую обязанность государства не на соображеніяхъ юридическаго, а филантропическаго характера, а во второй подчеркиваетъ все значеніе дѣятельности адвоката не въ узкихъ интересахъ подсудимаго, а ради интересовъ об-

щественныхъ, въ интересахъ «судебной правды» и, указывая на слабость сознанія общественнаго значенія защиты въ нашемъ законодательствѣ и судебной практикѣ, дѣлаетъ отсюда рядъ выводовъ, направленныхъ къ поднятію общаго уровня адвокатской корпораціи. Одной изъ послѣднихъ работъ И. Я. Фойницкаго въ области уголовного процесса была его рѣчь, произнесенная въ спб. юридическомъ обществѣ по поводу 45-лѣтія судебныхъ уставовъ: «Идея личности по судебнымъ уставамъ и кодификаціонное ихъ значеніе» (Право 1899 г. № 48). Здѣсь И. Я. указываетъ, что «новое составляющее наиболѣе характерную черту судебныхъ уставовъ, родственную имъ съ памятникомъ 1861 г. и тѣмъ же освободительнымъ потокомъ вызванное, заключается въ идеѣ личности».

Таковы заслуги И. Я. какъ ученаго и писателя. Но онъ не былъ исключительно кабинетнымъ ученымъ. Онъ стремился всю свою жизнь къ тому, чтобы вопросы права не оставались достояніемъ узкаго кружка спеціалистовъ ученыхъ, онъ находилъ, что широкое общеніе на почвѣ научныхъ интересовъ и представителей теоріи, и представителей практики есть тотъ жизненный нервъ, безъ котораго не можетъ быть плодотворнаго развитія самой науки. Отсюда его дѣятельное участіе въ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессахъ, начиная съ лондонскаго 1872 г. и кончая парижемскимъ 1895 г., а также въ сѣздахъ международнаго союза криминалистовъ. Благодаря своему постоянному участію въ международныхъ конгрессахъ И. Я. Фойницкій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ юристовъ, ко-

торые давно уже извѣстны на Западѣ. Признавая всю цѣнность общенія юристовъ на поприщѣ изученія разнообразныхъ вопросовъ уголовного права, И. Я. Фойницкій былъ однимъ изъ инициаторовъ возникшаго въ 1876 г. сиб. юридическаго общества, въ которомъ онъ принималъ до недавняго времени весьма дѣятельное участіе, представивъ рядъ докладовъ и занимая продолжительное время постъ предсѣдателя комитета уголовного отдѣленія общества. Во вниманіе къ его заслугамъ на пользу русской науки уголовного права и на пользу юридическаго общества послѣднее избрало И. Я. своимъ почетнымъ членомъ. Примкнувъ къ образовавшемуся въ 1889 г. международному союзу криминалистовъ, И. Я. Фойницкій понималъ всю важность образованія самостоятельной русской группы этого союза и былъ учредителемъ этой группы, возникшей по его почину въ 1897 г. Подъ его предсѣдательствомъ русская группа окрѣпла и расцвѣла, не мало способствовала своей дѣятельностью проникновенію въ жизнь, а отчасти и въ законодательство положеній, выработанныхъ новыми теченіями въ области уголовного права. Въ послѣдніе годы жизни И. Я., основанная имъ русская группа разошлась со своимъ основателемъ послѣ печальной исторіи съ закрытіемъ въ январѣ 1905 года кievскаго съѣзда. Но, и уйдя послѣ этого изъ предсѣдателей комитета группы, И. Я. Фойницкій не переставалъ интересоваться ея трудами, а на послѣднемъ происходившемъ въ Петербургѣ въ мартѣ 1912 г., съѣздѣ онъ снова появился среди членовъ группы. Наконецъ, нужно

отмѣтитъ, что И. Я., придавая всегда огромное значеніе тюремному патронату, былъ однимъ изъ учредителей спб. общества патроната, возникшаго въ 1905 г., и принималъ въ первые годы его существованія живое участіе въ его дѣятельности.

Послѣдніе годы своей жизни подѣ влияніемъ главнымъ образомъ болѣзненности и слабости, которыя все сильнѣе давали себя знать, И. Я. Фойницкій сталъ избѣгать широкой общественной дѣятельности, живой интересъ къ вопросамъ уголовного права у него пропалъ, онъ уже не печаталъ ничего новаго, переиздавая при помощи своихъ учениковъ свои прежніе курсы, и, видимо, медленно угасалъ; но онъ тѣмъ не менѣе не покидалъ своей любимой преподавательской дѣятельности до самаго конца жизни, и еще за нѣсколько дней до своей смерти онъ приступилъ къ чтенію курса уголовного судопроизводства и принималъ участіе въ производствѣ экзаменовъ.

Имѣя въ виду дать въ настоящей статьѣ общую характеристику И. Я. Фойницкаго, какъ ученаго и преподавателя, и не касаясь поэтому оцѣнки его дѣятельности, какъ судебного и общественнаго дѣятеля—дѣятельности, которая вызывала противъ себя нерѣдко нареканія,—я считаю нужнымъ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о его преподавательской дѣятельности.

Значеніе И. Я. Фойницкаго, какъ профессора, хорошо извѣстно тѣмъ тысячамъ русскихъ юристовъ, которые прошли черезъ его руки въ теченіе его 40-лѣтней дѣятельности въ с.петербургскомъ университетѣ. Не

будучи отъ природы ораторомъ, постоянно страдавшій тяжелыми приступами мучившаго его кашля, И. Я. не могъ привлекать въ свою аудиторію большой толпы слушателей и не пользовался особенной популярностью среди студентовъ въ качествѣ преподавателя, въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгимъ и требовательнымъ и къ другимъ, составивъ себѣ имя строгаго и требовательнаго экзаменатора. Но его строгость не была капризомъ съ его стороны. Онъ высоко держалъ знамя науки въ с.-петербургскомъ университетѣ и находилъ, что кончать курсъ юридическаго факультета въ с.-петербургскомъ университетѣ могутъ только лица, достаточно подготовленные и юридически образованные, а не лица съ неизвѣстно гдѣ полученными, отрывочными знаніями. Своей требовательностью онъ заставлялъ изучать и знать науку уголовного права и судопроизводства и такимъ путемъ способствовалъ поднятію общаго уровня нашихъ юристовъ-практиковъ. Какъ преподаватель И. Я. Фойницкій очень заботился о надлежащемъ процвѣтаніи своей каѳедры, и это особенно ясно выразилось въ томъ, что по его инициативѣ былъ образованъ при сиб. университетѣ музей уголовного права, являющійся весьма цѣннымъ пособіемъ при изученіи карательной дѣятельности, въ особенности въ области, относящейся къ тюремвѣдѣнію. Онъ же былъ и инициаторомъ образованія особаго кабинета уголовного права при сиб. университетѣ съ обширной бібліотекой по уголовному праву, въ основаніе которой легла пожертвованная имъ его богатая бібліотека.

Таково значеніе И. Я. Фойницкаго въ русской наукѣ уголовного права. Тѣ капитальныя труды, которые остались послѣ него: Ученіе о наказаніи, Курсъ уголовного права и Курсъ уголовного судопроизводства—лучшій надгробный памятникъ на его свѣжей могилѣ... Его имя никогда не будетъ забыто, и въ исторической перспективѣ его заслуги въ области науки русскаго уголовного права будутъ представляться грядущимъ поколѣніямъ криминалистовъ еще болѣе цѣнными, чѣмъ намъ, его современникамъ, его ученикамъ и товарищамъ.

СПббгу